

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОГО МЕСТОИМЕНИЯ *КТО-ТО* В ПЕРВОЙ КНИГЕ «ТРИЛОГИИ ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЯ» А. БЛОКА

Тихомирова Марина Витальевна
студент

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена особенностям авторского употребления местоимения *кто-то* в стихотворениях первой книги «Трилогии вочеловечения» А. Блока. В русском языке местоимение традиционно относится к разряду неопределённых (Грамматика – 80, Академическая грамматика, В.А. Белошапкова) и называет неопределённое, в большинстве случаев, незнакомое лицо. В текстах первой книги «Трилогии вочеловечения» А. Блока отчётливо наблюдается неоднократное использование местоимения *кто-то* (оно присутствует в 24 поэтических текстах), под которым практически во всех случаях подразумевается определённое лицо, группа людей или явление, вопреки общеязыковому значению неопределённости. На основе анализа установлено, что лишь в стихотворении «Ночь на Новый год» как раз присутствует общепринятое значение, но является не единственным – для этого текста характерна актуализация сразу трёх значений – общеязыкового и двух собственно авторских. В статье были выявлены авторские значения местоимения *кто-то*, такие как демонический образ, образ лирического героя, двойника лирического героя, возлюбленной, Богородицы, Бога, а также революции и Страшного Суда.

Ключевые слова: местоимение, *кто-то*, Блок, особенности, стихотворение.

К стихотворениям, в которых рассматриваемое местоимение имеет общепринятое значение неопределённости, можно отнести, пожалуй, только одно – *«Ночь на Новый год»* (1901 г.), где предполагается некая группа людей, частью которой и является неопределенное лицо, называемое местоимением *кто-то*: *«Кто-то шепчет и смеется»*. Реализация общезыкового значения анализируемого местоимения становится возможной благодаря всей описываемой ситуации: героиня слышит смех за воротами, но не знает, кому именно он принадлежит. Но при более детальном анализе, становится ясно, что языковое значение неопределённости не является здесь единственным, местоимение приобретает и другие, авторские смыслы.

Необходимо учесть, что стихотворение очевидно отсылает к балладе В.А. Жуковского *«Светлана»*, и не только сюжетно, но и композиционно. В связи с этим можно предположить, что местоимение «кто-то» обозначает вполне определённое лицо – суженого Светланы. Подтверждается это контекстом баллады, в котором «милый» действительно шепчет, появляясь в зеркале:

«Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!» [4]

Примечательно, что в этом же стихотворении местоимение кто-то имеет и третье значение – возникает демонический образ. «Ночь на новый год» погружает в мистическую атмосферу, чему способствуют сло-

восочетания «холодные туманы», «тихая луна», «полуночная пора», «тихий, крадущийся свет», и языческие элементы – «таинственная игра», то есть гадание, и огонь («Горят багровые костры», «горят костры»). Это позволяет предположить, что под местоимением *кто-то* также может подразумеваться некое демоническое существо, которое своим смехом и шёпотом и помогает кострам гореть, питает их, что подтверждается последовательностью и связностью действий (*Кто-то* шепчет и смеется, / И горят, горят костры). Этот образ может быть связан со славянской фольклорной традицией изгнания чёрта на Новый год в качестве хранителя всех накопившихся грехов.

В нескольких случаях местоимение *кто-то* обозначает самого лирического героя – например, в стихотворении **«Кто-то с Богом шепчется у святой иконы»**. Такое значение подтверждается тем, что в условной второй части стихотворения внимание переключается на фигуру лирического героя, и можно проследить связь между первыми строками восьмистишия (*Кто-то с Богом шепчется / у святой иконы – Здесь – смиренномудрия / Я кладу обеты*). Та же мысль возникает в стихотворении «Мы встречались с тобой на закате» в строке **«Кто-то** думал о бледной красе». Но также можно предположить, что под «кем-то» здесь имеется в виду некое третье лицо.

Наряду с обозначением самого лирического героя, в стихотворениях Блока местоимение *кто-то* называет и его двойника. Стихотворение **«Пытался сердцем отдохнуть я»** (1902 г.) хранит в рассматриваемом местоимении образ двойника, что подтверждается символом отражения, содержащегося в последних двух строфах:

«Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.
И в этот час, в пустые сени

Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье пришлеца»

Лирический герой ясно видит «кого-то» («Он ждет еще», «Он спря-тал голову в колени»), чувствует его. Это недобрая сила, несущая тьму и смерть, ведь приход этого двойника ожидается «в день последний, в час бездонный». Более того, то, что «призрак беззаконный» не имеет тени, говорит о его неземном происхождении, а то, что действия его противоречат всем законам, указывает на дьявольскую, враждебную его природу. Это позволяет сделать вывод о том, что «кто-то» является не только двойником лирического героя, но и символом конца и смерти.

С первых «глав» «Трилогии вочеловечения» «Ante lucem» и «Стихи о прекрасной даме» под местоимением *кто-то* мы также можем увидеть образ желанный, нежный, дорогой лирическому герою, но при этом нездешний, туманный, размытый, это – образ возлюбленной. В стихотворениях **«Кто-то шепчет и смеется»** (1899 г.) и **«Не легли еще тени вечерние»** (1901 г.) возлюбленная представляется герою как будто в чудесном сне или в сказке. Она является в сумраке, в тумане, окруженная зыбкими тенями. И впечатление призрачности, неопределенности образа усиливается и оттого, что поэт избегает конкретных, описательных эпитетов. В одну группу к вышеназванным можно включить и стихотворение **«Сумерки, сумерки вешние»** (1900 г.). Объект надежды и ожидания почти не доступен для лирического героя, девушка не просто находится «на другом берегу», но отдаляют её и сумерки, в тёмных цветах которых героиню либо не видно совсем, либо едва виднеется её силуэт. Употребляя местоимение *кто-то*, автор подчеркивает, что лирический герой не может разглядеть девушку, но следует своему чувству, поэтому точно знает, кто перед ним (**Кто-то** навстречу – бегу...).

В стихотворении **«Мы преклонились у завета»** (1902 г.) местоимение *кто-то* также может расцениваться как определённый образ, но теперь образ Богородицы:

«И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился **Кто-то**
С улыбкой ласковой Жены»

К толкованию образа Жены, облечённой в солнце, обращались немногочисленные богословы. Из них можно выделить раннехристианских авторов: Ипполит Римский (III век), Мефодий Патарский (IV век), Андрей Кесарийский (VI-VII века) и современных: Сергей Булгаков, Аверкий (Таушев), Александр (Милеант), Александр Мень. В их толкованиях образ апокалиптической жены получил две основные трактовки: христианская церковь и Богородица. Но вывод о том, что под «Кем-то», отождествляемым с женой, но при этом не являющимся одним с ней лицом, подразумевается Богородица, можно сделать на том основании, что автор, после самого стихотворения, кроме года его создания, указывает место – Исаакиевский собор. На внутренней стороне главного купола Исаакиевского собора изображена молящаяся Богородица.

Божественный образ в местоимении *кто-то* кроется и в стихотворении **«На Вас было черное закрытое платье** в строках **«Кто-то** Сильный и Знающий, может быть, Влюбленный / В Свое Создание, замкнул Вам уста». Стихотворение наполнено сомнением, возникает неопределённый образ кого-то «сильного и знающего», перед которым сплетаются и страх, и восхищение, будто лирический герой и не осознаёт до конца, кто же этот Он, но чувствует его прекрасную силу. Возникает мысль об образе всевышнего, образе Бога – Творца, скрывающегося под местоимением *кто-то*.

В стихотворениях Блока встречается местоимение кто-то, в котором смешиваются образы революции, страшного Суда и дьявола, например:

«Я смотрел на слепое людское строение.
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услышал приближение
И думал о том, что было давно»
«... Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там **кто-то** на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.
И понял, что будет темно»

Местоимение *кто-то* в данном контексте обозначает либо революционеров (за людей посчитавший, что «никому не дано», если последний этаж в доме расценить как символ возвышения над остальными жителями), либо подавляющая, нечеловеческая, все определяющая сила – дьявол. Важно отметить, что в стихотворении «**Фабрика**» появляется такой же «кто-то» (Недвижный **кто-то**, черный **кто-то**), внушающий страх и тоже «считающий» людей. Примечательно, что данные стихотворения явно перекликаются с произведением «**Старуха гадала у входа**»: люди внимают гаданью, желая «знать – что теперь», прислушиваются к «какому-то болтуну», не замечая, или наоборот, ожидая тревожные признаки предстоящих грозных событий. «Кто-то» снова оказывается на вершине, и снова решает судьбу. В данном контексте описываемую ситуацию можно интерпретировать двояко: революция и Страшный Суд, так как звон и чугун могут быть символами труб, возвещающих о конце света.

Одновременная реализация революционных и апокалипсических настроений характерна также для стихотворения «- Всё ли спокойно в народе?», ведь в нём «**Кто-то** о новой свободе / На площадях говорит...». Апокалипсические мотивы в ранних произведениях автора смешиваются с картинами бунта, и во всех трёх стихотворениях присутствует решающий, большой и устрашающий «кто-то», причём в двух из них

(«Всё ли спокойно в народе?» и «Я смотрел на слепое людское строение») местоимение повторяется неоднократно, создавая чувство давления, давящей силы. В анализируемом стихотворении лексема *суд* встречается в самом тексте, пишется с заглавной буквы, то есть речь идет о Страшном Суде.

Таким образом, основная особенность употребления местоимения кто-то в стихотворениях первой книги «Трилогии вочеловечения» Блока состоит в том, что под этим местоимением практически во всех случаях подразумевается определённое лицо, группа людей или явление, вопреки общеязыковому значению неопределённости. В стихотворении «Ночь на Новый год» как раз присутствует общепринятое значение, но является не единственным – для этого текста характерна актуализация сразу трёх значений – общеязыкового и двух собственно авторских.

Список использованных источников

1. Блок А. Исследования и материалы: Т. 4 / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб., 2011.
2. Блок А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Л., 1980-1982.
3. Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3-х кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilibrary.ru/text/1085/p.1/index.html>